

Почтальон

Автор:

Максим Исаев

Почтальон

Максим Исаевич Исаев

Действия, описанные ниже, происходят в небольшой деревне Дагестана в 1942-1943 годах. Приближение фронта, активизировавшаяся диверсионная работа врага, дезертиры, раскулаченные элементы, ненавидевшие Советскую власть, усложняют жизнь местного населения. Почтальон-подросток Султан из жалости к матерям погибших на фронте сыновей, скрывает похоронки и эти похоронки попадают в руки бандитов, скрывающихся в лесу.

Максим Исаев

Почтальон

Вводная часть

Ещё до начала войны в кадровых частях Красной Армии и военно-морского флота служили порядка шести тысяч дагестанцев, которые, как и другие красноармейцы, первыми приняли удар немецко-фашистских войск. Всего в годы войны Дагестан дал фронту сто восемьдесят тысяч воинов, из которых погибло более девяносто тысяч. Семьдесят дагестанцев удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Семь человек стали кавалерами ордена славы всех трех степеней.

Но была и другая стороны жизни в эти тяжёлые военные годы. Ещё задолго до нападения на Советский Союз, в Германии с 1933 года велась разработка концепции по управлению и освоению восточных регионов Советского Союза. Концепция эта касалась в том числе и республик Северного Кавказа. В осуществлении своих планов фашисты рассчитывал на такие явления, как коллаборационизм и дезертирство, распространённых среди народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, причиной которого послужили трагедии, постигшие горские народы в период трёх войн – кавказской, первой мировой и гражданской; революционного переворота и последовавшего за ним крушения империи; неоправданных надежд, связанных с ленинской декларацией «О праве наций на самоопределение»; массовых сталинских репрессий, в том числе по национальному признаку.

По мере приближения немецких войск к грозненскому нефтяному району и главному кавказскому хребту активизировали свою работу диверсанты-агитаторы, заброшенные на территорию Северного Кавказа – занимались вербовкой местного населения в ряды войск вермахта. Вершиной идеологической диверсии нацистов на Северном Кавказе явилось создание в октябре 1941 года кавказского батальона специального назначения «Бергман» («Горец»), предназначенного для проведения подрывной деятельности на всём Северном Кавказе. Основной набор в ряды этого воинского формирования был осуществлён за счёт пленных и перебежчиков, а также добровольцев из числа местного населения, оставшихся на оккупированных территориях.

В связи с этим, войскам НКВД был отдан приказ об обороне орджоникидзевского, грозненского, махачкалинского особых оборонительных и нальчикского укрепленного районов и зачистка прифронтовой зоны от враждебных элементов. За короткий срок в период с августа по октябрь 1942 года было обнаружено и уничтожено десятки диверсионных, 960 бандгрупп, задержано 17648 бандитов, ещё 7488 было ликвидировано. В период обороны Кавказа только в районах крупных городов – Грозного, Владикавказа, Махачкалы, Дербента – было задержано более 10000 нарушителей прифронтового режима и 9406 человек, бежавших с оборонительных работ, дезертиры, сбежавших с фронта.

Об одном эпизоде трагических событий того времени и рассказывается в повествовании, изложенном ниже, в центре которого оказался юный почтальон в одной из деревень, столкнувшись и с бандитами, а потом и с немецкой диверсионной группой.

О почтальонах написано много. Много разного и в разных странах. В основном с юмором, весёлая литература и прежде всего для детей. Но серьёзную художественную литературу о почтальонах во время Отечественной войны я, как не искал, так и не нашёл. А между тем за четыре года Великой Отечественной почтальоны доставили адресатам миллиарда семьсот миллионов писем. Треугольников, открыток, секреток...

Десять миллиардов семьсот миллионов!

"Мотя на щет мяса ты писала лучше бы сами ели чем продавать", – письма с фронта проходили военную цензуру, но не проходили корректуру. Бесхитростные и пестрящие ошибками строчки откорректировало Время. И они стали самыми искренними документами эпохи. Потому есть высшая справедливость в том, что строки из писем Моте, Матрене Максимовне Орловой от мужа-красноармейца Ивана Филипповича выбиты на мраморном мемориале в городе Мышкине...

Десять миллиардов семьсот миллионов писем войны. Поднимись этот треугольный клин в небо – в небе не осталось бы просвета.

Только боль.

И только любовь.

В войну за перо взялись даже те, кто никогда не держал в руке инструмент легче топора. За тяжелораненых писали соседи по госпитальной палате. За безграмотных бабушек – внуки. Страна стала бескрайней полевой почтой с отделениями на каждой улице и адресатами в каждом сердце.

В первые же месяцы войны создание системы полевой почты и бесперебойная доставка писем на фронт стали одними из важнейших задач. Все понимали, насколько важно бойцам получать вести из дома и, наоборот, как их отсутствие может негативно сказаться на боевом духе. 20 августа 1941 года было выпущено секретное постановление Государственного комитета обороны № 530 «Об улучшении работы по перевозке и пересылке писем в Красную Армию и улучшении работы почтовой связи в стране». Тогда был принят ряд мер, перевозку писем для бойцов стали считать не менее важной задачей, чем доставку снарядов и оружия на фронт.

Самым страшным из всех документов Великой Отечественной войны треугольное письмо, официально называемым "Извещение по форме N 4". Что такое "Форма N 4" предпочитали не говорить вслух, однако и эта форма имела свое официальное определение: "Извещение о смерти военнослужащего".

В первые дни войны похоронки приходили в форме фронтовых почтовых треугольников на обычных, вырванных из тетради листочках. Поэтому с первого взгляда отличить похоронку от обычного письма с фронта было трудно. Тревогу мог вызвать только незнакомый почерк, но, когда треугольник разворачивали, становилось понятно, что это такое, и горе сразу вываливалось на улицу, на всю деревню.

По этой причине было трудно, почти невозможно в сельской местности найти почтальона – женщину: не выдерживали нервы от боли и слёз адресантов.

В деревне, где развиваются события, описанные внизу, последняя женщина – почтальон, доставляя в семьи порою по несколько похоронок, отработала только две недели и поехала на подводе в райцентр, чтобы написать заявление и никакие уговоры её не убедили. С тех пор почтальоном в деревне работал юноша от роду неполных пятнадцать лет, школьник Султан, которому отец, представитель власти по всему району, объяснил необходимость доставлять почту.

Действия происходят в сентябре 1942 года в небольшой деревне,
расположенной у подножия кавказских гор.

ПОЧТАЛЬОН

1

Какими-то тихими, необычно солнечными и непривычно спокойными выдались первые дни сентября сорок второго года в северных районах большого кавказского хребта. Уже который день не летают самолёты с крестами над деревней, не слышен грохот далёких взрывов, даже единственный в деревне

радиовещатель, установленный на деревянном столбе возле годекана, тоже чего-то молчит уже который день. Можно было бы думать, что закончилась война, если бы не одно обстоятельство, – если бы накануне вечером в деревню не приехал призывной конвой для сопровождения новобранцев из деревни до призывного пункта в Махачкале.

Оперуполномоченный НКВД старший лейтенант Исаев разместил четырёх приезжих солдат на ночь в старом помещении сельсовета, расстелив овечьи тулупы прямо на пол, дал распоряжение своим подчинённым распрягать лошадей с повозок, напоить их и наложить им сена. Лейтенанта Галкина, командира конвойной группы, Исаев пригласил к себе домой.

Дома Иса рассказал лейтенанту, что все призывники освобождены от работы в колхозе, им выданы денежные средства в виде месячного пая и дополнительная сумма на две недели вперёд; что лично сам Иса обошёл несколько домов родителей призывников и предупредил, чтобы остригли голову наголо, взяли документы и продукты на первое время. А повестки в тот же день, как они поступили в сельсовет, разнес Султан, сын Иса, школьник и по совместительству местный почтальон.

– Предупредили, что за опоздание или неявку буду привлечены? – спросил лейтенант, прервав на минутку приём пищи.

– Они это и так знают. Я ходил по другому делу, – начал Иса с грустью в голосе.

– По какому? – спросил лейтенант.

– С приближением фронта повылазили шакалы из подполья, спрятались в лесах, а ночами творят зло, люто ненавидят нас, нападают, убивают нас и агитируют местных примкнуться к ним. Вот я ходил, настроение прощупывал. Есть несколько семей, где уже получили форму номер четыре на детей, на мужей, к ним я и ходил, прощупывал, не убежали ли их сынки в лес к бандитам. Вроде всё нормально. Плачут, но понимают, что идёт война.

– Товарищ старший лейтенант, мы с мамой тоже получили похоронки на старшего брата и на отца. И я целый месяц атаковывал военкомат, чтобы призвали меня, послали на фронт, чтобы отомстить за них. Еле добился! Но... Призвали, называется! На учёбы послали. Пока нет восемнадцати, на фронт не

берут.

– Ничего, лейтенант, успеешь ещё повоевать. Судя по тому, что фронт уже у нас на пороге, нам ещё предстоит проливать кровь за Родину.

Рано утром следующего дня на майдане (площади) на окраине деревни собрались все жители, чтобы проводить призывников. Молодые и не очень мужчины с хурджунами (типа вещмешков) стоят возле родителей и сурово смотрят на лейтенанта,

Матери, у кого сыновья уходят на фронт, плачут, отцы дают им последние наставления. Остальные односельчане стоят молча как на похоронах, зная, что многие из этих молодых ребят уже никогда не вернуться домой. Пожилые аксакалы стоят отдельной группой и что-то обсуждают. Местный мулла, сидя на камне чуть в сторонке, в полголоса читает дуа. Рядом с ним, зыркая глазами то на толпу, то на лейтенанта Галкина, с угрюмым видом стоит, нервничает, но молча наблюдает за происходящим седой аксакал. Это – связной и духовный наставник лесных бандитов Амир. Иса о нём знает наверняка, но пока не трогает его: у него есть план выйти на бандитов через него, как только рана на ноге затянется и он сможет ходить нормально по горным тропам. Постояв немного со всеми и посчитав, сколько призывников уезжает сегодня, из толпы выходит Амир и быстрым шагом удаляется в сторону деревни.

Галкин суетится возле повозок, даёт указания своим подчинённым, сам проверяет заправку коней; что-то записывает химическим карандашом, держа полевую сумку офицера в левой руке. Несколько солдат возятся с соломой на повозках, поправляют сбрую на лошадях. Недалеко от них стоит оперуполномоченный НКВД старший лейтенант госбезопасности Исаев Иса, опираясь на костыли; рядом с ним три рядовых солдата войск НКВД. Возле них, одетая по-местному в длинное платье и платке стоит ещё Лида Гаргуль, молодая учительница русского языка и литературы, угодившая в эту захолустную деревню, вдали от городов и транспортных линий. Лида, единственная русская учительница в деревне быстро выучила местный язык и с началом войны активно помогала семьям писать письма сыновьям на фронт, переводить на кумыкский письма с фронта от командиров.

Галкин наконец поворачивается к призывникам и издаёт командирским голосом:

– Внимание! Слушай мою команду! Строиться в одну шеренгу! Живее! Живее построились!..

Призывники в подавляющем большинстве не знают языка, не понимают, что кричит этот русский офицер, поэтому почти все вопросительно смотрят на Ису и на Лиду. Иса, хромая, подходит к толпе, поворачивается к Галкину лицом и показывает призывникам, чтобы встали рядом с ним. Худо-бедно, удалось их поставить в строй. Галкин терпеливо ждал и как только Иса отошёл, продолжил командовать:

– Внимание! Тот, чью я называю фамилию, выходит из шеренги, идёт к транспортному средству и там ждёт! Всем понятно? Вопросы есть? Вопросов нет!.. Абакаров!.. Ахмедов!.. Абдуллаев!.. Алиев!..

Иса поднятым костылём показал, куда дальше становится, и призывники послушно стали перестраиваться. Лейтенант Галкин продолжил:

– Бамматов!.. Где Бамматов?..Оглох, что ли?..

Бамматова удерживала плачущая мать, она не хотела пускать последнего сына на войну, на неминуемую смерть, она уже проводила пятерых сыновей на фронт, а на двоих старших сыновей уже получила похоронки, она рыдала, она истерила, насмерть схватив сына и удерживая дрожащими руками. Самад пытался освободиться, просила мать, уговаривала пустить, а мать плакала ещё сильнее. Иса подошёл к Галкину и, не указывая на Бамматова, сказал:

– Бамматов там, с матерью прощается. Он немного глуховатый.

Лейтенант ещё раз повторил команду, но уже, сильнее:

– Бамматов, встать в строй!

– Лейтенант, погоди, пусть мать успокоится, потом, после всех посадим его.

– Товарищ старший лейтенант, мне некогда тут нюни женские слушать! У меня приказ: срочно доставить призывников на поезд! Любой ценой!

К лейтенанту подошла Лида.

– Товарищ лейтенант, Бамматов – инвалид, он глухой, его нельзя на фронт, – попыталась повлиять умоляющим голосом Лида, на что лейтенант ответил резко:

– Почему нельзя! Глухой, – не слепой! Врага увидит! Или в тылу пригодится.

Лида не успокоилась.

– Товарищ лейтенант, дайте, я поговорю с матерью, а вы пока других вызывайте, – сказала она, смотря прямо в глаза лейтенанту.

– Ладно, давай. Только быстро, – сказал Галкин смирительным голосом.

Лида подходит у плачущей матери Бамматова, обнимает её и что-то шепчет на ухо. Мать Бамматова отпускает сына, падает на колени и плачет в голос, обхватив сына за ноги. Лида тщетно пытается успокоить мать Бамматова:

– Аминат-бажюв, успокойтесь, пожалуйста. Всё будет хорошо. Его на фронт не отправят, он в тылу останется. Вернётся он. Мать Бамматова ещё сильнее плачет и цепляется за сына. Лида возвращается к лейтенанту.

– Товарищ лейтенант, Бамматов последний сын в семье, его пятеро братьев на фронте, а на двоих уже получила похоронки.

– Я тоже последний сын в семье! На брата и батю тоже получили похоронки. Я должен отомстить за них! И он пусть отомстить за братьев!.. Бамматов!

– Товарищ лейтенант!.. – Лида ещё раз хотела попытаться объяснить, но лейтенант не дал ей закончить фразу и зло скомандовал:

– Оставить разговоры!.. Бамматов! Ко мне!.. Ахмедов! Алиев! Бамматова

сюда ко мне! Бегом!

Ахмедов и Алиев подходят к толпе, осторожно берут за руки Бамматова, пытаются оторвать от матери. Мать в истерике цепляется за сына, рыдает, не пускает сына. Тогда сам Галкин подходит к матери Бамматова и злобно орет:

– А ну-ка, оставить, женщина! Я кому сказал, – оставить!

Аминат не обращает внимание, истошно плачет. Галкин достает пистолет.

– Оставить, я сказал! Я буду стрелять!

Аминат не обращает внимание, ещё больше цепляется за сына. Галкин выстреливает в воздух и кричит в ярости:

– Оставить, я сказал!

К Галкину подходит Иса, хватая его за руку и отводить в сторону.

– Лейтенант, ты тут не торопись воевать, успеешь ещё на фронте. С женщиной воевать нет нужды. Мы сейчас решим вопрос, а ты иди к повозкам, сажай пока других.

Лейтенант послушно кладёт пистолет в кобуру, понимая, что, наверное, погорячился, и возвращается к повозкам. Иса подходит к обезумевшей от горя матери, говорит ей что-то и отводит сына к повозке. Женщина, упав на землю, продолжает плакать.

На небе неожиданно появляется самолёт с крестами на крыльях, он пролетает над площадью разворачиваются и направляются в толпу. Галкин мгновенно достаёт пистолет и орёт, что есть мочи:

– Внимание всем! Слушай мою команду! Рассредоточиться! По вражеским самолётам огонь!

Красноармейцы, укрывшись за телеги, начинают стрелять по самолётам. Иса, обращаясь к сельчанам, командует:

– Всем в укрытие! За вал! Ложитесь! Ложитесь быстрее!

Сельчане все разбегаются, прячутся кто-где. Самолёты пролетают на собравшимися, разворачиваются и, приближаясь, на низкой высоте открывают огонь. Испуганные лошади пускаются в бегство. Вражеские истребители заходят во второй круг и сбрасывают бомбы и улетают. Бомбы падают дальше от места скопления людей. Некоторое время люди все лежат в ожидании. Видя, что истребители больше не возвращаются, потихоньку приходят в себя, встают. Испуганные лошади останавливаются недалеко. Галкин поднимается, отряхивается и даёт команду, возвращая свой «макар» в кобуру:

– Ахмедов! Алиев! Верните повозки!

– Все живые? Посмотрите вокруг, все ли живы, – Распоряжается Иса. Лида, наклонившись над телом старика, проверяет пульс. Потом сообщает:

– Иса, дедушку Османа убили. И двое раненных, я вижу. Сейчас проверим остальных, – сказала Лида и пошла в сторону лежащих то ли от испуга, то ли уже мёртвых. Уставившись далеко на горизонт, Иса с недоумением произнёс:

– Чёрт возьми, откуда они тут взялись? Фронт же далеко!

– Значит, уже недалеко, коль летают тут, – констатировал очевидное. Иса оторвал взгляд от горизонта, подошёл ближе и громко, чтобы всем было слышно, распорядился, обращаясь к толпе:

– Идите все в деревню. Идите. Хватит уже. Они могут снова прилететь...Лида, организуй раненных к врачу.

Собравшиеся, оглядываясь назад, пошли в сторону деревни. Несколько молодых мужчин несли на руках погибшего дедушку Османа, другие поддерживали, помогая раненым. Только мать Бамматова лежала на земле по-прежнему и продолжала голосить; то поднимая голову к небу она обращалась к аллаху с молитвой и просьбой вернуть ей сына, то опять падала, упираясь при этом лбом об землю. Лида подошла к ней и попыталась успокоить её, держа за руку. Магомед Бамматов, отец призывника Ахмеда, при этом стоял рядом с женой и беспомощно глядел на неё, не понимая, как её утешит.

Лейтенант Галкин ещё раз пересчитал призывников по головам и, убедившись, что по списку все в строю, дал команду:

– Внимание! Всем сесть на транспортные средства! Приготовиться к маршу! Извозчики занять свои места! Трогай! Поехали! – и сам прыгнул на повозку. Не успела колонна ещё тронуться, как неожиданно для всех, плачущая, упавши на землю, мать Бамматова бегом обгоняет повозку, в которой сидит её сын, и ложиться на дорогу перед лошадьми, крича в истерике: «Оставьте моего сына! Он беспомощный! Он не слышит, он

Инвалид! Отдайте сына или убейте меня!»

Галкин спрыгнул с телеги, подошёл к женщине, но не стал её трогать. Вместо этого он скомандовал солдатам убрать женщину с дороги. Двое красноармейцев с трудом поднимают женщину и передают её рядовым бойцам НКВД, стоящим рядом со старшим лейтенантом Исаевым. Стоящий недалеко отец Бамматова со словами: «Я тоже поеду на фронт отомстить фашистам за сыновей» проходит мимо лейтенанта и садится на повозку, где сидит его сын. Галкин не знал кумыкского языка и ничего не понял, что сказал старик, поэтому повернулся к старшему лейтенанту и спросил, выпучив глаза, удивлённый таким дерзким поступком бабушки:

– Кто таков? Фамилия?

– Бамматов он. Магомед. Отец Ахмеда.

– И что он говорит?

– На фронт хочет. Рядом с сыном хочет быть.

– Он не значится у меня в списках.

– Записывай.

– Не уполномочен. – Галкин развёл руками и обратившись к Бамматову старшему, сказал, – прошу освободить транспортное средство.

– Нет, я поеду. Рядом с сыном буду, – сказал Бамматов на своём кумыкском языке, но Галкин теперь уже всё понял и опять, но уже жёстко потребовал слезть с телеги. Старший лейтенант понял, что назревает конфликт и решил вмешаться:

– Лейтенант, пусть едет. Пусть пока будет рядом с сыном, чтобы мать успокоить, а там решим. Я тоже поеду с вами.

– Галкин посмотрел на старшего, махнул рукой и скомандовал:

– Ладно. Черт с ним. Пускай едет... Внимание! Приготовиться к маршу!.. Трогай! – Галкин прыгнул в повозку, и колонна тронулась с места. Мать Ахмеда вырывается из рук солдат, бегом догоняет колонну и цепляется за повозку с криком:

– Отдайте! Отдайте мне сына! Он инвалид! Он ничего не слышит!

Солдаты догоняют её, отрывают от повозки и уводят в сторону. К ней подходит Иса и пытается успокоить её:

– Ты не плачь, Аминат-Бажюв, я поеду с ними, поговорю в районе, попробую их вернуть. Иди уже домой. И успокойся.

– Он же беспомощный, он глухой, его убьют! – мать Бамматова отчаянно била себя в грудь, громко, почти истерично плакала. Иса постоял возле неё и обратился к Лиде:

– Лида, подойди, пожалуйста, сюда... Отведи Аминат-Бажюв домой. Попробуй успокоить её. И ещё. Заскочи к моим, скажи, что я район поехал. Переночую там.

Колонна повозок с очередной группой призывников, поднимая пыль копытами лошадей, уезжает навстречу смерти... Замыкает колонну тачанка Исаева с тремя солдатами НКВД.

Ещё накануне вечером лейтенант Галкин оказией привёз в деревню почту. Султан не стал рассматривать её, не видя в этом смысла: разносить ведь надо будет только завтра. Да и уроки надо было сделать, немецкий ещё учить, – любимый предмет Султана. С утра, как только проснулся, он схватил мешок с почтой и вывалил на ковёр. Стал перебирать письма: «Похоронка... Похоронка...Опять похоронка...Опять... О! Это письмо! Бамматовым! Надо бежать. Передать. Пусть порадуются.» Султан быстро кладёт письмо и похоронки в сумку почтальона и выбегает на улицу.

За почти год работы почтальоном, Султан уже научился отличать похоронки от обычных фронтовых писем-треугольников и даже угадывать, какой треугольник привёз в себе благодарственные и похвальные слова родителям фронтовиков от их командиров. Тяжело было на родителей, когда они получали похоронки на своих сыновей. Султан каждый раз переживал вместе с родителями их горе, он несколько раз просил отца, чтобы его заменил, но заменить было некем: женщины, ранее разносившие почту, не выдерживали более двух недель, категорически отказывались сами работать и даже детям своим не разрешали разносить письма с горем по деревне. А Султану отец сказал, что надо, так он и несёт это ярмо. Атай он ведь командир, начальник и ослушаться его нет закона у сына.

Султан знал, что призывники соберутся с утра на майдане на окраине деревни, и побежал туда. Как только он выбежал из дома на пыльную дорогу, на небе над деревней появился самолёт. Немецкий. Султан узнал его сразу, он видел его на картинке. Нет, он не испугался, он хорошо помнит слова отца, который говорил ему, что мужчина не должен бояться ничего, даже смерти, если она неминуема. Страх всегда мешает думать, страх сковывает мозг и не даёт принять правильное решение.

Он посмотрел на самолёт, прижался к стене и указательными пальцами сделал движения, как будто стреляет по самолетам и выразился на по-немецки: «Auf dich! Auf dich, faschistisches Schwein! На тебе! На тебе Фашистская свинья!».

Самолёт улетел за деревню, потом развернулся, и Султан слышал, как он открыл огонь из своего пулемёта. «Тем же Атай (отец), там же люди, подумал Султан и побежал в сторону майдана за деревней.

На окраине деревни он встретил возвращающихся людей и Лиду. Она шла рядом с Аминат, поддерживая её за руку. Султан, увидев их, полез в мешок, чтобы

достать письмо Аминат, но Лида сделала ему знак, чтоб тот отошёл в сторону и увела с собой Султана.

- Лидия Дмитриевна...Тетя Лида, это с фронта письмо Бамматовым. Наверно благодарственное. Порадовать хочу, - поторопился Султан объяснить.

- Султан, Бамматовы отец и сын уехали на фронт, а мать в истерике, плачет. Дай мне письмо, я сама позже ей передам. Если оно на русском, то сама прочитаю, переведу.

- Ладно, держите, - сказал Султан, передал письмо и продолжил, упавшим голосом, - а мне опять похоронки вручать. Опять плачь матерей слушать... Сегодня опять пять похоронок. И на этих ещё придут. - махнул рукой в сторону дороги, откуда повозки увезли призывников.

- Они вернутся, Султан. Вернутся. Будем надеяться.

- Атай тоже поехал опять?

- Да, поехал. Сказал, что в районе переночует. Скажи матери, чтобы не волновалась. Султан, а похоронки сегодня не надо разносить, давай завтра, - хорошо? Хватит на сегодня горя.

- Да я понял уже. Хорошо.

Султан расстроился. Опять отец уехал, оставив их с маленьким братом на мать. Он не то, чтобы боялся, нет, он не боялся, но всё равно рядом с отцом спокойнее.

Когда он вернулся домой, мать молилась, а маленький братик сладко спал в углу на сбитом войлочном ковре. Он бросил мешок с письмами, сел на табуретку, и стал ждать, когда мать закончит молиться.

- Султан, сынок, почему такой грустный? Случилось что-то? - спросила Аба, когда закончила молиться.

- Атай опять уехал. Поехал с ними. Провожать. Сказал, чтобы его сегодня не ждали. В райцентре останется.

– О, Аллах, спаси детей наших безгрешных! Помоги им выжить! Всё в твоих руках! Аллаху аминь! – Аба снова помолилась, обращаясь к аллаху.

– Тетя Аминат сильно плакала. Лидия Дмитриевна сказала, что она на дорогу легла перед лошадьми. Не хотела пускать.

– На всё воля аллаха!

Ночь на Кавказе наступает быстро, – сразу после заката солнца. И тёмная она как в пещере «волчья пасть» возле ущелья Каратау. На ночь жители села закрывают ставни на окнах, чтобы даже слабых лучик света от керосинки не падал на улицу. У далеких звёзд тоже не хватает сил, чтобы осветить почти незаметную для них затерянную возле диких лесов у подножия великана, – кавказских гор. Только луна, когда она загорается в полный калач, освещает пыльные тропы и узкие горные дороги так, чтобы людям не заблудиться. Часто случалось так, что волки ночью нападают не только на скот в загонах, но даже на людей в последнее время, – в последнее время в лесах появились волки и на двух. А их люди не то, чтобы боялись, но опасались. Их коварными руками недавно ночью бил жестоко зарезан приезжий из района партийный активист.

Ночь сегодня необычно темна, луна спряталась за густые чёрные облака, а с гор подул холодный вечерок.

Султан проснулся от истошного лая собак. Аба уже не спала, она зажгла керосинку, закрыла на крючок входную дверь, а в ручку для большей уверенности засунула полено. А в это время несколько вооруженных бородатых бандитов осторожно заходят в сад, перелазив через невысокий забор, осматривают вокруг, прячутся в засаде. Собака на цепи во дворе истошно лает.

– Насыр, может собаку того? Убрать? – шепотом спрашивает один из бандитов Насыра, главаря лесных бандитов.

– Не надо. На лай пусть хозяин выйдет. Нам хозяин нужен. Долг надо вернуть.

Несколько минут в ожидании бандиты сидят в саду. Не дождавшись появления хозяина дома на пороге, Насыр знаком зовет за собой одного бандита и идет в сторону дома.

В большой комнате в доме, прижав к себе двух сыновей, сидит Аба. На случай необходимости она положила рядом большой кухонный нож, прикрыв его подушкой. Насыр с другим бандитом тихонько, бесшумно поднимаются по лестнице, прислушиваются, прислонившись к двери, и отходят назад. Насыр резким движением бьёт ногой по двери, выбивает её и входит в дом. За ним входит и второй бандит. Увидев Абу и детей, сидящих на ковре, Насыр направляет на них обрез.

- Что ж ты, Насыр, ходишь по ночам, как зверь, детей пугаешь! - спросила Аба с издевкой в голосе и показывая, что она совсем даже не боится его.

- А я и есть зверь. Злой зверь. Злой и голодный. И виноват в этом твой муж. Где он? Пусть выходит. Примет гостей, как положено горцу.

- Нет его. Он в район уехал, - сказал Султан громко, будто хотел испугать бандитов. Аба прижала его к себе ещё больше и прикрыла ему рот, чтобы тот молчал.

Насыр кивком головы показывает второму бандиту на дверь другой комнаты. Тот проверяет одну, потом вторую комнаты, качает головой.

- Нет никого, - сообщает второй бандит.

- Подождем немного, раз уже пришли. А то хозяин обидится, что не подождали, - произнёс Насыр равнодушно и сел на табуретку возле двери, положив обрез на колени.

- Убить его хочешь?

- Хочу спросить у него, зачем он убил моих друзей. Партизан?

- Какие же они партизаны! Они такие же бандиты, как и ты! Партизаны с немцами воюют, а вы прячетесь в лесах и воюете с женщинами, детьми, трусы.

- Немцы меня не раскулачивали, отца в Сибирь не ссылали.

– Моего отца тоже раскулачили, тоже сослали в Сибирь, но я не воюю с детьми. Аллах покарает вас.

– Аллах покарает твоего мужа. Это он мечеть закрыл. Он за русских. Тут нам не нужны русские. Это наша земля.

– Моего мужа твой отец держал в конюшне вместе с лошадьми. Сироту. Ребёнка. Батраком. Ребёнок в кормушке на сене спал полуголодный. А русские подобрали его, накормили, одели. И ты хочешь...

– Я хочу жить на моей земле по нашим законам шариата. Без русских, – Насыр не выдержал и почти перешёл на крик.

– Поэтому ты за немцев? За фашистов? Сколько вас там уже?

– Много. Хватит, чтобы отомстить гяурам. Это мой долг мужчины.

– Мужчины? Мужчины на фронте, а вы трусы.

– Глупая ты женщина, Аба. Твой муж забрал в колхоз наши земли, арестовал моего отца, убил моих друзей.

– Твои друзья такие же бандиты, как и ты. Вы хотели убить моего мужа.

– Настигнет кара Аллаха и твоего мужа. Твой муж гяур! Он предал свой народ, он предал Аллаха!

В комнату заходит третий бандит, шепчет что-то в ушко Насыру. Тот даёт команду второму бандиту сидеть тут, а сам выходит во двор с третьим бандитом. Во дворе Насыра ждал Амир. Он отводит в стороны Насыра и что-то говорит ему тихо, тот произносит: «Иншала! Иншалла!», кивает головой утвердительно, и возвращается в комнату.

– Повезло твоему гяуру сегодня. Но ничего, мы ещё раз придём. Передай своему нищевроду, что мы встретимся ещё, – сказал Насыр ехидно улыбаясь. Султан резко дёрнулся, пытаясь встать и крикнул злобно на Насыра:

- Он не нищеврод, он Красный командир!

Но Насыр не стал обращать внимание и слова глупого мальчишки.

- Лучше быть нищевродом, чем волком ходит по лесам, - Аба уже подумала, что они уйдут скоро и сказала это без особой злости, а больше с пренебрежением.

- Дура ты, дура, Аба! Дочь богатого, уважаемого шейха. И такие глупости говоришь! А могло быть совсем по-другому. Сколько раз я сватался! По адатам шариата. А ты вышла за этого оборванца без роду без племени. За гяура.

- Я вышла замуж за мужчину. А ты трус. И бандит. Тебе не папаху носить, тебе платок надо носить! - Аба перешла на крик з-за слов Насыра про гяура. Насыр резко подскочил, сделал шаг вперёд и тоже перешёл на крик:

- Ты язык не распускай, женщина! Знай меру! А то я могу и рассердиться!

Султан тоже подскочил, заслонил собой мать и тоже крикнул на Насыра:

- Мы не боимся тебя! Мой отец всех вас убьёт как в прошлый раз! Он храбрый! А вы бандиты!

Второй бандит замечает лежавшую на полу сумку почтальона, поднимает её, достаёт из сумки похоронки, показывает Насыру.

- Заберем. Пригодится.

После слов Насыра Султан сразу бросается к ним, хватает сумку, пытается вырвать, кусает руку бандита.

- Отдай мою сумку! Отдай!

Насыр хватается Султана за горло, начинает слегка душисть.

- Такой же упрямый, как отец, собака!

– Пусти меня! Сам ты собака!

Аба хватает нож, лежавший под подушкой, и бросается на Насыра со словами:

– Что ты делаешь, изверг! Отпусти моего сына!

Второй бандит отталкивает её, наводит на неё обрез. Насыр удерживает его.

– Не надо. Я с женщинами не воюю. – и удерживая Султана, говорит ему, – а ты пойдёшь с нами. Пусть отец придёт за тобой. Посмотрим, какой он у тебя храбрый.

Бандиты собираются выйти из комнаты, в эту минуту Аба поднимает правую руку с

ножом и замахивается на Насыра: «Будь ты проклят, Насыр! В аду тебе гореть!» Второй бандит бьёт в лоб Аба прикладом обреза, она падает на пол без сознания. Султан резко дёргается в сторону второго бандита, пытается вырваться, кричит: «Что ты делаешь, шакал!

– Я убью тебя!» бандиты уходят.

– А ты сначала сам выживи, – Насыр со злостью потряс Султана, – пошли, щенок гяура!

Бандиты уходят, забрав с собой Султана и сумка с похоронками.

3

Ранним утром 15 сентября 1942 года в кабинете начальника Буйнакского районного отделения НКВД Магомед Султановича Адукова проходило секретное совещание, посвящённое критическому положению в прифронтовой зоне, связанное с участвовавшими случаями бандитизма в тылу и активизацией фашистских диверсионных групп. Учитывая сложность обстановки, на

совещание приехал лично сам начальник регионального отделения НКВД майор Медведев Александр Петрович.

После совещания Адуков пригласил старшего лейтенанта Исаева в кабинет начальника райотдела, где уже сидели Медведев и лейтенант Галкин. При виде Адукова лейтенант встал и отдал честь:

- Здравия желаю, товарищ майор государственной безопасности!

- Садись, лейтенант. Садитесь. Я майор Адуков. Магомед Султанович. А это старший лейтенант Исаев.

- Мы знакомы, - сказал лейтенант и сел, готовясь слушать старших по званию.

- Ну тогда начнём. Александр Петрович, начинайте.

Медведев достал папиросу, закурил и начал, не торопясь:

- Положение тяжёлое, товарищи. В последнее время в тылу сильно активизировались враждебные Советской власти элементы. Среди населения ведут пропаганду. Враг готовит наступление. Через границу по лесам проникают диверсионные группы, предатели, перебежчики. Есть у нас оперативные данные, что фашисты готовят в ближайшее время массово сбросить группы для диверсий на железной дороге, чтобы лишить фронт топлива из Баку. Учитывая сложность положения, для усиления работы по отражению вражеских вылазок, к нам в тыл и на Северо-Кавказский фронт приехал сам Лаврентий Павлович Берия. Мы с вами, товарищи, не имеем право ошибиться, пропускать врага мимо нас. Наша задача искать, ловить и уничтожить врага и всех их пособников. У нас есть информация, товарищ старший лейтенант, что диверсионные группы будут сброшены подальше от железной дороги в подгорных районах, откуда удобно пробираться к железке. В том числе возле вашего села. Поэтому, мы решили усилить твою группу, Иса. Выделяем вам ещё пять бойцов с командиром лейтенантом Галкиным.

- Не густо, конечно, но и на этом спасибо, - сказал Исаев, тяжело вздохнув.

- Больше не можем. Нет людей.

– А ты мобилизуй местное население, Иса! Мобилизуй. Правление колхоза, коммунистов, оставшихся в деревне.

– Было бы кого, товарищ майор. Все на фронте. Старики одни остались, да и что они без оружия!

Минуту помолчав, Медведев продолжил:

– Если мы допустим диверсию на железной дороге, товарищ старший лейтенант, мы с Вами даже на фронт не попадём. Лес поедем валить. Я ясно выразился?

– Так точно, товарищ майор!

– Так вот, ваша задача, – прочесать леса в округе, найти дезертиров, диверсантов и уничтожить их. Не спать, не отдыхать, суками искать и уничтожать!

– Ты только это, Иса... Сам под пули не лезь как в прошлый раз. Тебе уже хватит двух пуль на ногах, – решил уточнить майор Адуков.

– А что было в прошлый раз? – спросил Медведев.

– Бандиты напали, домой ночью пришли к нему. Но он ловко справился с ними: двоих убил, двоих ранил и повязал. Сидят они тут у нас. Ждут суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/isaev_maksim/pochtal-on

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)